

шет <...> “Шум печати в Европе”... “Тоже и *Петражицкий*”... Вы думаете, это очень много?.. Но ведь здесь каждый равен каждому, и все измеряется мерою “одного” из 300 пишущих европейских или еврейских перьев, и этот “один” имеет приблизительно “величину Левина”. И “голос Европы” есть просто “голос Левина”, помноженный на 300, на 400, на 1000. Что это? — Ничего» (СХР, 326–327). О действительности завета с Богом Р. писал: «Ведь “завет”-то и в самом деле был заключен и не разорван до сих пор. И не разорван единолично с каждым израильтянином, пока он обрезан, т.е. с каждым обрезанным <...> и еврей м. быть вором, процентщиком, банкиром, газетным сотрудником, может ни разу не заглянуть в Библию, никогда не молиться, быть атеистом, Левиным, Винавером: все равно лежащая на Боге сторона обязанностей (у них это почти юридический “договор”, “вексель”) — остается, и Бог, между прочим, ему оказывает покровительство, защиту, поддержку» (СХР, 263). Отметив, что в христианстве, где все ветхозаветное отменено и заменено «“Кровью и Телом Спасителя”, — т.е. Бого-человека, естественно нет и быть не может человеческого жертвоприношения» (СХР, 316), Р. замечает, что «все это не понятно для Грузенбергов и Левиных, для гг. К. Арсеньева и корреспондентов газет» (СХР, 316). «Ах, всем им хочется крови ягненка ли, Ющинского ли... Левину хочется, Грузенбергу хочется, Марголину тоже хочется, и только они не ведают этого. А во сне грезится <...> Ведь это они кричали “в дни Бейлиса” о всем христианском обществе: “Распни его!! Гвоздей ему в ладони!! Зауши его в лицо!!” И заушали. Тут и грязный Любош старался, — вечно неумытый, засаленный Любош, и “Каиафа” — Левин...» (СХР, 340). «Левин верно упрекает меня в “эгоизме”. Конечно — это есть. И даже именно от этого я и писал (пишу) “Уед.”: писал (пишу) в глубокой тоске как-нибудь разорвать кольцо уединения... Это именно кольцо, надетое с рождения» (У, 97); «...вообще, когда меня порицают (Левин, другие) — то это справедливо (порицательная вещь, дурная вещь). Только не в цинизме: мне не было бы трудно в этом признаться, но этого зги нет во мне. Какой же цинизм в существенно кротком? В постоянно почти грустном?» (У, 131). Заметки Л. о книге военного судьи А.В. Жиркевича «Пасынки военной службы. Материалы к истории мест заключения военного ведомства» («Наброски» // Речь. 1913. 24 авг.), где Л. сетует на суровость условий содержания революционеров в заключении, дали повод Р. к размышлениям о жестокости самих революционеров, о жестокости революционных террористических актов, в которых гибнет немало ни в чем не повинных, случайных людей. («Левин из “Речи” о жестокостях русского суда» // НВ. 1913. 28 авг.; НФП).

В.Н. Дядичев

ЛЕВИТАН Исаак Ильич [18(30).8.1860, Кибарты Ковенская губ. — 22.7(4.8).1900, Москва] — художник-пейзажист. На розановское восприятие живописи Л. существенно влияла позиция писателя в еврейском вопросе. В 1908, размышляя об отношении евреев к русской культуре, наряду с В.И. Далем, П.В. Шейном Р. приводит в пример Л. как художника, отражающего в своей живописи русскую культуру: «Другой еврей, Левитан, создал русский пейзаж, т.е. он с такою глубиной, с такою поэ-

тичностью воспринял краски и тоны русской сельской и деревенской природы, русского поля, речки, перелесья как это не удавалось самим русским <...> Левитан уже оценен и признан теперь. Его заслуга перед русским художественным самосознанием никогда не будет вычеркнута из истории» (ВНС, 115–116). В 1913 Р. считал, что на убийство П.А. Столыпина необходимо было «ответить распоряжением на другой же день выкинуть из русских музеев <...> все эти “chefs-d’oeuvre” разных Левитанов, Гинсбургов, Аронсонов, все эти павлиньи перья из иудейского хвоста» (СХР, 55). Концептуальной для розановского понимания художника является статья «Левитан и Гершензон», поводом для написания которой стали «бурные» слова Е.И. Апостолопуло («У Левитана все красиво... Но где же русское безобразие? И я поняла, что он не русский и живопись его не русская». — СХР, 75), с которыми Р. полностью согласен: «Да. И Левитан, и Гершензон оба суть евреи, и только евреи <...> И трактовали русских и русское, как восхищенные иностранцы, как я “Италию” и всякие “Пиренеи”» (СХР, 75). В рецензии на сборник материалов М.О. Гершензона по истории русской мысли и литературы («Русские Пропилеи». М., 1915) Р. рассматривает живопись Л. в историко-культурной параллели с научной деятельностью Гершензона. Р. воспринимает пейзажи Л. как мастерскую стилизацию русского ландшафта, а самого Л. как стилизацию русского человека: «Мастерство сказалось в том, что все точно и верно, но все несколько мертво, не оживлено» («Левитан и Гершензон» // Русский Библиофил. 1916. № 1. С. 80; ВЧВ, 35). Розановской мысли о левитановской стилизации близко наблюдение И. Грабаря о том, что при всем огромном даровании и самостоятельности Л. был «использователем» чужих идей. Р. критикует характерное для живописи Л. сведение конкретного человеческого присутствия к минимуму, «сокращение человека» с его натуралистичностью: «На пейзажах Левитана мы наблюдаем собственно “la nature morte”, потому что этот пейзаж всегда — без человека <...> удобнее, легче, — и “тогда воздух так прозрачен”» (ВЧВ, 34). Критика Р. «бесчеловечной» живописи Л. связана с розановской концепцией русской культуры, которая в отличие от космологичности западной литературы («озирают мир, страны, народы, судьбу народов») «исключительно антропологична»: «Вся сосредоточенность мысли, вся глубина, все проникание у нас относится исключительно к душе человеческой, к судьбе человеческой, — и здесь по красоте и возвышенности, по верности мысли Русские не имеют соперников» (ОПП, 369). Несмотря на то что под влиянием еврейского вопроса Р. выражает неприятие живописи Л., философ в то же время делает интуитивные наблюдения над его пейзажами. Р. отмечает преодоление Л. в своем «обыкновенном ландшафте» условностей классицистического и романтического пейзажей: «Все скромно, смиренно <...> Левитан нигде не берет “особенно красивого русского пейзажа” (а ведь такие есть) <...> Мы чувствуем, что Левитан не мог бы написать: “Парк в Павловске”, “Озеро с лебедями в Царском Селе” <...> Нет, он непременно возьмет бедное село, деревеньку; и лесок-то — всегда не богатый, не очень видный» (ВЧВ, 33–34). Р. отмечает в пейзажах Л. «хороший вечерний свет, спокойный вечерний свет» (ВЧВ, 35). Противопоставляя живопись

Л. натуралистической живописи И.Е. Репина («Репинских “невоздержанностей” он избежал»), Р. воспринимает ее как «безотчетную реакцию против 60-х годов с тогдашним безумным “реализмом”, состоявшим в “вали сюда всё”» (там же). В этюде Л. (возможно, Р. имеет в виду «Последний снег. Саввинская слобода», 1884 или «Весна. Последний снег», 1895) Р. не хватает этой национальной бытовой натуралистичности: «Вот “Весенняя проталинка”, ну — завязло бы там колесо. Обыкновенное русское колесо обыкновенного русского мужика и в обыкновенной русской грязи. Почему нет? Самая обыкновенная русская история» (ВЧВ, 34). В живописи Л., выразившей лишь благочестие и благообразие русской жизни, Р. недостает мучительной, страшной русской сути: «До “Святой Руси” народ дотащился сквозь чернь этих окаянных “труб” с таким “скрежетом зубовым” и стенаниями и вздохами <...> на эту “историю” оба накинули покров. Отчего как-то и заключаешь, что Русь не “кровная” им, не “больная сердцу” <...> Нет боли, крика, отчаяния и просветления; не понятно, откуда вышли “русские святые”, потому что спрятан, а в сущности не разгадан и “русский грешник”. Греческие Пропилеи?.. Но у нас были только “проселочные дороги”, неудобные и мучительные» (ВЧВ, 35–36). Позже Р. сомневается в правильности своей оценки Л.: «Хотя я с ненавистью написал и о Левитане, и о Гершензоне, но, м.б., я ошибся. Не знаю, колеблюсь» (ПЛ, 97–98). Р. признается, что Л. любил *Россию* по-настоящему: «Думать, чтобы Левитан “фальшиво” рисовал все русские пейзажи, целую жизнь — одни русские пейзажи, не нарисовав ни одного еврейского домика и ни одной еврейской семьи, — невозможно (ВЕ, 458). В период переоценки еврейского вопроса и примирения с евреями Л. для Р. — пример «интимности и сердечности» той «глубочайшей связи, какую иудеи обнаруживают к другим народам <...> они “отдаются вовсю” этим другим народам» (АНВ, 134).

А.А. Медведев